

24.06.19

КОМУ МОГУТ БЫТЬ ВЫГОДНЫ ИНЦИДЕНТЫ С ТАНКЕРАМИ В ОМАНСКОМ ЗАЛИВЕ

Утром 13 июня в иранских водах Оманского залива были атакованы норвежский и японский танкеры. Это уже второй за месяц инцидент с танкерами в данном районе. Поскольку ранее Иран неоднократно грозил заблокировать транспортировку углеводородов в Ормузском проливе, США сразу же возложили на него ответственность за случившееся. Но стоит ли в это верить?

Любителей порассуждать об американской внешней политике (как профессиональных, так и диванных) можно разделить на два лагеря. Представители одного полагают, что Соединенные Штаты последовательно реализуют некую секретную стратегию («план Даллеса», «управляемый хаос» – нужное подчеркнуть). Их оппоненты, напротив, уверены, что вся американская политика состоит из авантюр малокомпетентных лицемеров. Как это обычно и бывает, правда где-то посередине. У США есть прописанная внешнеполитическая стратегия, ориентированная на глобальное доминирование, и каждая администрация адаптирует ее под свои идеологические, коммерческие и политические цели. Однако реализация этой стратегии, как правило, подчинена электоральным циклам и зависит от успешности взаимодействия людей с разным опытом, карьерными амбициями и уровнем компетентности. Упругая сетка бюрократии помогает этой системе функционировать более-менее целостно, хоть и не всегда эффективно.

С приходом Дональда Трампа эта схема была частично нарушена. Будучи преимущественно антитрамповской, американская бюрократия сегодня стремится не смягчить турбулентности в Вашингтоне, а максимально их обнажить. Таким образом, все «прелести» процесса (не)принятия политических решений высыпаются на внешнюю арену, демонстрируя, насколько американская политика погрузилась в хаос. Когда же вся «эkleктика» политики администрации 45-го президента накладывается

на традиционный ближневосточный «фьюжн», соблазн объяснять происходящие в регионе события и роль в них Соединенных Штатов с помощью указанных выше концепций возрастает: либо за всем этим кроется хитроумный план, либо это какой-то безумный парад политических фривольностей.

В этом смысле инцидент с норвежским и японским танкерами у берегов Ирана в Оманском заливе весьма показателен. До сих пор неизвестно, что на самом деле случилось и кто атаковал танкеры. Впрочем, это теперь не так уж и важно, поскольку виновного Соединенные Штаты уже назначили, возложив ответственность на Иран. Объективное расследование вести никто не намерен, хотя, если задать стандартный вопрос: *cui prodest?* – окажется, что Иран выглядит стороной, наименее заинтересованной в подобной провокации. Важно, кто и как теперь распоряжается этим кризисом.

Региональные противники Исламской Республики стараются выжать из сложившейся ситуации максимальную коммерческую и политическую выгоду. Саудовская Аравия заявляет о готовности увеличить добычу и сгладить все флуктуации нефтяного рынка. Израиль призывает покончить с «опасным режимом аятолл». Наиболее любопытные сюжеты, однако, раскручиваются внешними игроками. США пытаются встать в позу «защищающегося»: убеждают остальных, что не хотят войны с Исламской Республикой, но и не потерпят «вызывающего поведения» Тегерана, которое угрожает союзникам Америки и ее интересам. Британцы степенно переходят из лагеря сомневающихся в лагерь «почти убежденных» (*almost certain*) в том, что танкеры атаковал Иран. Впрочем, по шкале британского негодования это все еще чуть ниже оценки участия Москвы в «деле Скрипалей» как «весьма вероятного» (*highly likely*).

Сам инцидент пришелся весьма «кстати». Во-первых, нападение на японский танкер пришлось на время визита в Иран премьер-министра Японии Синдзо Абэ, который хотел найти развязки в запутавшихся отношениях Вашингтона и Тегерана. Во-вторых, через считанные дни истекает иранский ультиматум европейским участникам Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), то есть Франции, Германии и Великобритании. 8 мая Тегеран потребовал от них в течение 60 дней наладить работу специального платежного механизма, который бы позволил вести торговлю в обход американских санкций. Такой механизм существует – INSTEX, но пока он недееспособен, что явно не удовлетворяет Тегеран, который хочет, чтобы европейские гаранты СВПД в отношениях с ним вели себя более независимо от США. Но несмотря на заверения Берлина, Парижа и Лондона в их приверженности «ядерной сделке», европейские компании сворачивают свой бизнес в Иране «до лучших времен».

Не то чтобы европейцы всерьез готовы были бросить вызов санкционной политике Соединенных Штатов, а Япония счастлива взять на себя непростую роль медиатора, но реакция Вашингтона на инцидент в Оманском заливе поможет напугать боязливых и разъяснить непонимающим: санкции – это всерьез, рисковать, покупая иранскую нефть, не стоит, а намерение США загнать иранское руководство в изоляцию не просто политика администрации Трампа, а позиция, по которой Вашингтон ожидает от европейцев и всех остальных большей покладистости и поддержки.

Курс на «проактивное сдерживание» Ирана Трамп реализует последовательно. Год

назад американцы вышли из СВПД, в апреле внесли Корпус стражей исламской революции (КСИР) в список террористических организаций, а затем объявили о прекращении санкционных исключений для восьми важных торговых партнеров Ирана и о введении новых санкций. Менее публичные акции носят еще более жесткий характер: уничтожение в спецоперациях лидеров КСИР и «Хезболлы» на территории третьих стран, наращивание финансируемыми правительством США медиаресурсами информационного вещания на фарси и круглосуточное проведение кибератак.

Иран старается представить себя жертвой и выжать из этого максимум. Но дальше слов поддержки и закулисных возмущений беспрецедентным давлением со стороны Трампа ни восточные, ни западные партнеры Тегерана идти не готовы. Не обладая серьезными рычагами давления на США, Иран втягивается в опасную игру «эскалации ради деэскалации»: предупреждает о готовности выйти из СВПД и Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), заявляет о намерении вернуться к обогащению урана выше установленных для него норм, угрожает заблокировать Ормузский пролив, через который проходит 40% глобального экспорта нефти по морю.

Однако подобные демарши мешают воспринимать Иран как жертву. Зато они дают повод обвинить его в «бандитском поведении». Поэтому, когда возникают ситуации вроде нападения на танкеры, в сознание даже симпатизирующих Тегерану закрадываются сомнения – может, руководство Исламской Республики заигралось, повышая ставки? В конце концов, каждая новая информационно-политическая атака на Иран используется верховной властью и консервативными силами в стране для маргинализации сторонников стабильных отношений с Западом и укрепления собственных позиций. А для тех, чьи попытки замирить Иран провалились, едва начавшись, это способ спасти лицо. В этом смысле Трампу не придется неприлично долго стучаться в переговорные двери (которые он сам для себя закрыл), а европейцам – признаваться, что они испугались гнева США и так и не решились выполнить свою часть обязательств по СВПД.

Однако рассуждения в духе рационального внешнеполитического планирования не кажутся столь стройными, когда речь заходит о конкретных людях, принимающих судьбоносные решения. И здесь внешние игроки уже устали ловить «правильные сигналы» из Вашингтона. Сам Трамп, при всем своем антииранском настрое, не хочет втягиваться в ближневосточные кризисы и развязывать войны. Но в американской политической и военной элите хватает тех, кто придерживается иных взглядов. Трамп просит Абэ о посреднической миссии, но за несколько дней до визита японского премьера в Тегеран советник по национальной безопасности США Джон Болтон анонсирует новые санкции. Госсекретарь Помпео заявляет, что Соединенные Штаты готовы к переговорам с Ираном «без всяких предусловий», но все тот же Болтон публично настаивает, что сначала Тегеран обязан прекратить свою «сорокалетнюю политику террора». При этом Болтон – не «ястреб-одиночка», вносящий смуту в рационализм республиканцев, каким его иногда рисуют в России, и не человек, которого Трамп «не знает, как уволить», как порой о нем говорят в США. Болтон – публичный выразитель взглядов широкого круга американских политиков, дипломатов и военных. Если добавить к этому влияние израильского и арабских лобби на повестку администрации по Ирану и, шире, по Ближнему Востоку, а также интересы к этой повестке крупных оборонных предприятий, то разные варианты

силовых сценариев, включая «хирургические удары», не выглядят невероятными.

Пока же представляется, что США и лично президент Трамп не желают начинать полноценную войну против Ирана, тем более затевать наземную операцию. Максимальная конечная цель Вашингтона – возвращение Ирана в лоно своего влияния, минимальная – «изменение поведения» Тегерана в регионе. Иракская кампания Америки показала, что война не гарантирует достижения первого, а за получение второго придется заплатить непомерно высокую цену.

Вместе с тем США и Иран не хотят показать, что они этой войны боятся. Иранцы не против переговоров с США в принципе. Но они не готовы вести их с человеком, у которого семь пятниц на неделе и в команде которого есть люди с собственной повесткой, которая предполагает смену режима в Тегеране.

Российская линия в этом вопросе связана как раз с тем, чтобы, с одной стороны, снизить градус американских провокаций, с другой – удержать Иран от губительных для себя контрмер, к которым его руководство может прийти, если и когда дипломатическое позерство не сработает.

Тегеран тихо возмущен, что Москва недостаточно активно поддерживает его в противостоянии с Америкой. Российское руководство дает понять, что становиться «пожарной бригадой» в такой непростой ситуации Москва не намерена. Правда, от роли «санитарной бригады», предлагающей сторонам лекарство от зуда по военному конфликту, Россия не отказывается.

Открывающаяся 24 июня в Иерусалиме встреча руководителей советов по национальной безопасности трех государств – России, США и Израиля, – возможно, покажет, насколько партнерам действительно интересны российские предложения.

Оригинальная публикация profile.ru

*Источник: **Кому могут быть выгодны инциденты с танкерами в Оманском заливе***

ОБ АВТОРЕ

Максим Сучков

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, США

Область экспертизы: Специалист по внешней политике США на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Исследователь проблематики лоббизма в международных отношениях.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Редактор издания «Al-Monitor». Эксперт Российского совета по международным делам. Был приглашенным исследователем в Нью-Йоркском и Джорджтаунском университете.

